

УДК 351.746.1-051(478)(092)«19371938»(045)

*Игорь КАШУ**

**«Чистка» сотрудников НКВД Молдавской АССР
после «Большого террора» 1937–1938 гг.:
дело Ивана Тарасовича Широкого-Майского**

Исследуется специфика «чистки» сотрудников НКВД МАССР на завершающем этапе «Большого террора» и после официального прекращения массовых репрессий (сентябрь–декабрь 1938 г.) на примере деятельности И. Т. Широкого-Майского и его коллег.

Ключевые слова: политические репрессии, МАССР, НКВД, «Большой террор».

В ноябре 1938 г. И. Сталин приказал остановить «Большой террор». Репрессии на этом не прекратились, однако теперь целью «чистки» оказались сами сотрудники НКВД. Репрессии против сотрудников НКВД имели место и до июля 1937 г., и во время «Большого террора». Тем не менее, на этот раз кампания по «чистке» центрального и регионального аппаратов НКВД, начатая в сентябре–октябре 1938 г., имела свою специфику, свои особые причины и цели. Теперь «вычищали» тех, кто по приказу сверху непосредственно проводил «зачистку» среди разных категорий населения и элит в 1937–1938 гг.

Так что же именно является специфическим для этой кампании репрессий против сотрудников центрального и регионального аппаратов НКВД? Почему одни сотрудники были приговорены к 5–8–10 годам ИТЛ, другие – к ВМН, а третьи отделались выговором, т. е. фактически не ответили за применение насилия, за использование «недопустимых методов расследования» или за «нарушение социалистической законности», как гласила официальная терминология?

Каковы были критерии принятия решений о судьбе сотрудников НКВД: кого наказать, а кого помиловать и даже поощрить? Этот и другие вопросы ещё не обратили на себя должного

* *Кашу Игор* – доктор исторических наук, директор Центра досліджень тоталітаризму факультету історії та філософії Молдавського державного університету (м. Кишинів, Республіка Молдова).

внимания в постсоветской и западной историографии по причине ограниченного доступа к следственным делам бывших сотрудников НКВД. Эти дела являются важным источником для изучения механизмов «Большого террора», а также, в немалой степени, для более глубокого понимания этапов и специфики процесса торможения машины массового террора в конце лета–начале осени 1938 г.¹

Среди жертв «чистки» в рядах НКВД Молдавской АССР (автономия в составе Украинской ССР в 1924–1940 гг.) были также высшие чины местного НКВД. Например, Иван Тарасович Широкий-Майский, нарком внутренних дел МАССР с мая по сентябрь 1938 г.

Кем был И. Широкий-Майский до начала службы в НКВД, каким было его социальное происхождение и образование? И были ли моменты в его биографии, которые привели его в 1938 г. на скамью подсудимых?

И. Широкий-Майский родился в 1903 г. в с. Верблюжка Александрийского округа Херсонской губернии. Его отец был середняком, этническим украинцем. Широкий окончил 2-летнюю местную сельскую школу и потом учился 3 года в военно-фельдшерской школе в Херсоне, которую окончил в 1918 г. Сразу после этого, в возрасте 15 лет, он вступил в местный отряд Красной армии, а в следующем году – в партизанский отряд, а затем был включён в группу по «борьбе с бандитизмом» в Верблюжке. В 1920 г. он становится членом Коммунистического Союза Молодёжи и до 1922 г. в местной комсомольской ячейке был ответственным за политико-просветительную работу. В период с конца 1922 г. до начала 1926 г. Широкий работал инструктором внешкольного образования Верблюжского райОНО. В 1926–1927 гг. он служил в качестве председателя правления Верблюжской районной потребкооперации. Его карьера в органах госбезопасности началась в июле 1927 г. в качестве сотрудника

¹ Эти дела открывают также другие возможности для расширения очень важных тем, такие, как отношение между палачами и жертвами во время «Большого Террора» в отдельности или сталинской эпохи в целом. См. по этому поводу статью *Линн Виолы* (Lynne Viola): *The Question of the Perpetrator in Soviet History // Slavic Review.* – 2013. – Vol. 72. – № 1. – P. 1–23.

Зиновьевского окружного отдела ГПУ УССР. В следующем году Широкий-Майский становится помощником уполномоченного, а позже уполномоченным Информационного отдела ГПУ УССР (1929–1930), старшим уполномоченным, оперуполномоченным 6-го и 3-го отделений Особого отдела ГПУ УССР (1931–1933). С ноября 1933 г. по октябрь 1935 г. Широкий-Майский был начальником Особого отдела 30-й стрелковой дивизии, далее – начальником 5-го отделения Особого отдела Киевского военного округа и Особого отдела УГБ НКВД УССР (октябрь 1935 – январь 1937 гг.).

До прибытия в МАССР он занимал пост начальника 5-го отдела УГБ УНКВД Черниговской области, заместителя начальника УНКВД Черниговской области (январь 1937 – май 1938 гг.)². Всего он отслужил в органах ГПУ–НКВД около 12 лет. Таким образом, в отличие от других сотрудников НКВД МАССР, которые также будут арестованы и осуждены вместе с ним, он был «человеком из органов», чекистом со стажем.

Согласно его официальной биографии, во время гражданской войны Широкий не участвовал в антисоветских организациях или вооружённых отрядах и не примыкал в 1920–1930-х гг. к «антипартийным оппозиционным группам». Его официальная биография была безупречной и, казалось, ничего не предвещало его дальнейшей трагической судьбы.

До ареста он жил в Тирасполе, столице МАССР, в отеле «Палас». Обыск его квартиры провели 27 сентября 1938 г. Среди наименований изъятого и зарегистрированного протоколом обыска, выделяются две улики: *первое* – это «Печатное письмо председателю [комиссии] по чистке партии»; *второе* – «Заключительное постановление Кировской окружной Контрольной Комиссии по делу Широкого»³. По всей видимости, арест Ши-

² Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник / Сост. Н. В. Петров, К. В. Скоркин. – М.: Звенья, 1999. – С. 448–449.

³ Arhiva Serviciului de Informații și Securitate al Republicii Moldova, fostul KGB al RSSM [Архив Службы Информации и Безопасности Республики Молдова (бывший архив КГБ МССР)], далее – ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 10 verso. Речь идёт о постановлении Кировской окружной Контрольной Комиссии ВКП(б) от 29.07.1929 г., согласно которой обвинения в адрес Широкого о

рокого произошёл не без участия партийных органов. Можно предположить, что начало «делу Широкого» положил «сигнал», который был отправлен из Тирасполя в Киев по поводу того, что готовится очередная «чистка» высших партийных кадров МАССР. Последняя «чистка» среди местной партийной элиты пришлось на май–июнь 1937 г., когда были арестованы сотни коммунистов. Среди них – Григорий Иванович Борисов-Старый (расстрелян 11 октября 1937 г.), председатель Совнаркома МАССР (1932–1937), Владимир Захарович Тодрес-Селектор, 1-й секретарь Молдавского обкома КП(б)У в мае–августе 1937 г. (приговорён к 8 годам ИТЛ), Евстафий Павлович Воронович, председатель ЦИК МАССР (расстрелян 13 октября 1937 г.) и др.⁴

Будучи верным слугой партии и НКВД на протяжении всей своей зрелой жизни, Широкий впал в немилость вышестоящего начальства в начале сентября 1938 г. На следующий день после обыска, 28 сентября 1938 г., он был арестован по приказу наркома внутренних дел УССР Александра Ивановича Успенского. Именно он назначил Широкого наркомом в Тирасполь за четыре месяца до ареста. Хотя точно неизвестно, кто инициировал арест, есть основания предполагать, что решение об аресте Широкого было принято совместно Киевом и Москвой. Во всяком случае, 29 сентября 1938 г. был подписан приказ НКВД СССР № 00638 об аресте наркома внутренних дел МАССР. Задержанный был доставлен в столицу Украины и помещён в спецкорпус киевской тюрьмы.

В соответствии со ст. 216-17 п. «а» и ст. 108 УК УССР Широкому-Майскому было предъявлено обвинение в том, что он «занимался вымогательством ложных показаний от задержанных»⁵. Однако история его попадания в немилость была сложнее. В ходе допросов различные недоброжелатели, свидетели и до-

его антисоветской деятельности во времена гражданской войны не подтвердились. Эта говорит о том, что Широкий не только не исключал своего ареста, но также предугадал некоторые факты или доносы, которые могли бы быть использованы против него.

⁴ См.: *Cașu I. Dușmanul de clasă. Represiuni politice, violență și rezistență în R(A)SS Moldovenească, 1924–1956.* – Chișinău: CARTIER. – P. 95–108.

⁵ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 1–3, 5.

носчики выявили другие детали его биографии. Например, Широкий был якобы осуждён в 1925 г. на принудительные работы в течение 2–3 месяцев по неизвестным причинам. Мы же знаем только, что в этом году он был инструктором Верблюжского райОНО и, предположительно, его осуждение было связано именно с этой работой. Прежде чем Широкий стал сотрудником ГПУ УССР в 1927 г., судимость была с него снята⁶.

Далее мы подробно проанализируем пять писем Широкого, которые он прислал наркому внутренних дел УССР Успенскому в течение сентября 1938 г. Эти письма представляют особый интерес, поскольку их автор выражает свою точку зрения случившегося во время «Большого террора». Следует отметить, что протоколы допросов Широкого были очень короткими и не позволяют воссоздать картину того, что случилось с бывшим наркомом внутренних дел МАССР и какие механизмы сделали возможным то, что происходило в 1937–1938 гг. Примечательно, что версия одного из писем диаметрально отличается от версии, изложенной в других письмах. У этого есть объяснение. Предположительно, Широкий просто не знал, от кого ждать милости – от НКВД или от партийных органов.

**«Я сделал грубую и непростительную
политическую и оперативную ошибку...»**

Ещё 5 сентября 1938 г., за три недели до обыска, Широкий, находясь на предварительном следствии в Киеве, написал письмо лично Успенскому. Это произошло сразу после проверки деятельности НКВД МАССР, произведённой комиссией НКВД УССР в начале сентября 1938 г. Широкий начинает письмо с того, что во время своей короткой карьеры в МАССР он совершил «грубую и непростительную политическую и оперативную ошибку». Широкий сожалел, что с мая 1938 г., когда он был командирован в Молдавию на работу по «выкорчёвыванию остатков правотроцкистского подполья», направил на «неправильный путь [...] своё и чекистское внимание» в деле «вскрытия руководящей верхушки». В результате того, что он был «ориен-

⁶ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 10 verso.

тирован неверно», продолжает Широкий, имена честных коммунистов оказались оклеветанными. Речь шла о верхушке руководящего партийно-советского аппарата Молдавии, а именно, о первом секретаре Молдавского обкома КП(б)У Владимире Николаевиче Борисове, председателе Совета народных комиссаров МАССР Георгии Ермолаевиче Стрешном и председателе ЦИК МАССР Тихоне Антоновиче Константинове. Широкий признался, что его ошибки спровоцировали его самоуверенность, зазнайство и отсутствие консультаций с Успенским. При этом Широкий настаивал на том, что эти ошибки были следствием его желания преподнести своему киевскому начальству уже «готовое дело»⁷.

Другим объяснением сложившейся ситуации было то, что «враг попытался ввести следствие в заблуждение». Широкий обвинил в этом арестованных, т. е. жертв «Большого террора». Речь идёт о бывшем наркомзе земледелия Абрамовиче, бывшем директоре «Молдторга» Шендеровском и ряде других, таких как Богуш, Кошелев и Дербенцев. Они были ответственны, продолжал Широкий, за то, что в списки «правотроцкистского подполья» в МАССР были включены «ни в чем неповинные товарищи». Занимаясь поисками «козлов отпущения», Широкий не отвергал и свою личную ответственность. Он добавил по этому поводу, что в результате «недостаточно критического подхода», «эти показания были приняты на веру с большой лёгкостью». Широкий выразил уверенность, что эти ошибки могут быть устранены, и он, и весь чекистский аппарат МАССР, извлекут «достаточный урок» на будущее⁸.

Широкий сожалел о том, что после того, как его поставили в известность о выводах комиссии НКВД УССР, он «апеллировал в руководящие партийные органы»⁹. Это очень интересная деталь, которая наводит на мысль, что Широкий был уверен, что он действует строго в рамках партийных указаний. Более того, перемены в НКВД, о которых он узнал из выводов комиссии

⁷ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 11-12, 14-15.

⁸ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 16.

⁹ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 17.

НКВД УССР, побывавшей в Тирасполе, застали его врасплох. Апеллируя к республиканским и союзным партийным органам¹⁰, нарком внутренних дел МАССР, наверное, подумал, что происходящее с ним было либо недоразумением, либо результатом каких-то интриг внутри НКВД или партийных органов, следствием доносов. В последующих письмах Успенскому Широкий высказывал уже другие соображения, которые существенно меняли его первоначальную версию случившегося.

**«Своё заявление снимаю,
как вынужденное угрозами побоя»**

Второе письмо Успенскому Широкий послал в тот же день, 5 сентября 1938 г. По сравнению с первым он назвал здесь больше имён сотрудников НКВД МАССР. Интригует предисловие к письму:

«Наркому Внутренних Дел УССР, Комиссару Государственной Безопасности третьего ранга, тов[арищу] Успенскому. Рапорт: Вторично прошу повторной комиссии проверки работы НКВД МАССР, с моим участием. Своё заявление снимаю, как вынужденное угрозами побоя. [В] противном случае, дайте возможность снова обратиться к партийным инстанциям»¹¹.

Широкий прямо говорит, что он написал первое письмо под угрозами избиения. Кто ему угрожал? Вероятно, это могли быть члены вышеупомянутой комиссии НКВД УССР или следователи из центрального аппарата НКВД УССР. Но скорее всего, речь идёт о высших партийных чинах из Киева, которые могли действовать через следователей НКВД УССР. На эту последнюю версию наводит главный аргумент первого письма, который сводится к тому, что НКВД совершил непростительную ошибку по отношению к высшим партийным органам и невиновным членам партии.

В следующем письме Широкий избрал на этот раз оборонительную тактику. Главные аргументы первоначальной версии

¹⁰ Об этом речь пойдет ниже, в третьем письме, адресованном Успенскому, в котором будет четко сказано о подаче апелляции в ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У. ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 29-30.

¹¹ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 18.

теперь были повёрнуты на 180 градусов. На этот раз Широкий не писал, что Борисов, Стрешный и Константинов невиновны. Напротив, он настаивал на том, что существовали несомненные доказательства их причастности к «правотроцкистской организации». Доказательствами, на которые он ссыался, служили признания разных лиц, которые были опрошены при непосредственном участии Широкого. Последний также настаивал на том, что он дал приказ своим подчинённым строго соблюдать конспирацию. НКВД МАССР получало «сигналы» о причастности Борисова, Стрешного и Константинова к руководству «правотроцкистского подполья» в МАССР, но Широкий якобы запретил доводить эти данные до следователей, которые занимались непосредственно этими делами. Таким образом, последние должны были выяснить у арестованных имена членов антисоветской организации, а не спрашивать их о принадлежности к этой организации того или иного конкретного человека. Широкий настаивал на том, что допросы велись его подчинёнными непредвзято и следователи не навязывали арестованным конкретные имена и не «давили» на них до тех пор, пока те не согласились дать показания по спискам, заранее составленным НКВД¹².

Для того, чтобы эта версия выглядела более правдоподобной и в то же время в целях минимизации своей ответственности в деле «правотроцкистского подполья», Широкий привёл ряд имён сотрудников НКВД, в том числе своих непосредственных подчинённых, некоторые из которых хорошо знали местную ситуацию. Прежде всего, он назвал Лазаря Исааковича Ривлина, который был заместителем наркома, исполняющим обязанности наркома внутренних дел МАССР в марте–мае 1938 г. и являлся непосредственным предшественником Широкого. Именно Ривлин сообщил Широкому, что Борисов и Стрешный (Константинов был добавлен в список позже) не заслуживают политического доверия. Хотя разговор был сравнительно «об-

¹² Согласно показаниям подчинённых Широкого, например, начальника 4-го отдела НКВД МАССР Мягкова, дело обстояло совсем иначе. См. допрос Мягкова в Киеве, который состоялся 19 сентября 1938 г., ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 114, 116.

щим», Широкий понял намёк и добавил, что у него не было оснований не доверять Ривлину. «Ориентацию» в этом же духе Широкий получил и от бывшего наркома внутренних дел МАССР Николая Васильевича Лютого-Шестаковского (декабрь 1937 г. – март 1938 г.). Он посетил Тирасполь, вероятнее всего, в конце июня 1938 г., когда исполнял обязанности заместителя начальника Особого отдела Киевского военного округа. Лютый якобы дословно сказал следующее: «Зачем допустили в партийные органы Борисова, ведь он же враг»¹³. Но если Борисов был «врагом народа» и Лютый знал об этом с самого начала, возникает вопрос: почему он допустил, чтобы тот стал в январе 1938 г. первым секретарём Молдавского обкома, когда Лютый был наркомом внутренних дел МАССР? Это наводит на мысль, что у Лютого теперь были определённые установки сверху, иначе трудно поверить, что инициатива включить Борисова в список «врагов» исходила от него лично.

После разговора с Лютым Широкий познакомился с материалами, непосредственно связанными с Борисовым, а также со следственными делами «по националистическому и частично по правотроцкистскому подполью». Широкий прочёл сводную справку Лютого наркому внутренних дел УССР Леплевскому, датированную январём 1938 г. Согласно этой справке, Котовская районная партийная организация МАССР выразила политическое недоверие Борисову за «связь с разоблачёнными участниками контрреволюционной организации». В это время Борисов уже был секретарём Молдавского обкома. Такая же информация в отношении Борисова была передана (хотя и в устной форме) Широкому заместителем начальника 3-го отдела Кирюшиным и бывшим начальником 4-го отдела НКВД МАССР Григорием Юфой. Широкий считал, что эти сотрудники направили его «на неправильный путь в оперативной оценке положения в Молдавии в этом вопросе». В этой «неправильной ориентировке» был замешан также следователь по важнейшим делам при Прокуратуре СССР Лев Романович Шейнин. Он посетил Тирасполь вскоре после Лютого. Шейнин отметил,

¹³ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 20.

что Борисов был вовлечён в защиту директора Тираспольского элеватора Потребя, когда того обвиняли во «вредительстве». Кроме того, «Шейнин это дело взял с собой с намерением снова возбудить его»¹⁴.

В результате этих ориентировок, полученных от Лютого и Шейнина, Широкий начал присматриваться к связям Борисова по его работе. Среди них были заведующий отделом руководящих партийных органов Молдавского обкома КП(б)У Николай Харитонович Смориго¹⁵, секретарь Молдавского обкома ЛКСМ Кисель, нарком земледелия МАССР Козуб и др. На некоторых из них, по утверждению Широкого, к его приезду в МАССР уже имелись компрометирующие материалы об их принадлежности к антисоветской организации. Кроме того, Широкий отметил, что он лично убедился, что Борисову был присущ «стиль показа».

Показания против Борисова, а также Стрешного были предоставлены также Эрастом Илларионовичем Дербенцевым, до 1935 г. занимавшим пост начальника Управления рабоче-крестьянской милиции НКВД МАССР¹⁶. Широкий поверил этим по-

¹⁴ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 21. Л. Шейнин родился в 1906 г. в еврейской семье и стал сотрудником прокуратуры СССР в 1923 г., когда ему было всего лишь 17 лет. Член ВКП(б) с 1929 г., с 1931 г. работал следователем по важнейшим делам при Прокуроре СССР. Шейнин стал известен в СССР как писатель, его статьи и рассказы публиковались в «Известиях» и «Правде». Его первая книга вышла в 1938 г. под названием «Записки следователя». Позже она была переиздана в Кишинёве в 1987 г. издательством «Лумина». В этой книге, однако, он не пишет о своём опыте работы в МАССР во время «Большого террора». По архивным данным, опубликованным Никитой Петровым, Шейнин был арестован в 1951 г. и только в марте 1953 г. был освобождён, после того как его допрашивал Богдан Кобулов. Последний передоверил дело Райхману и дал ему поручение, перед освобождением завербовать Шейнина в агентурную сеть. См.: *Петров Н.* Палачи. Они выполняли заказы Сталина. – М.: Новая Газета, 2011. – С. 120.

¹⁵ Биографию Смориго до 1941 г. см.: Arhiva Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova [Архив социально-политических организаций Республики Молдова (бывший архив Института Партии при ЦК КПМ)], далее – AOSPRM, f. 51, inv. 1, d. 32, f. 16.

¹⁶ О различиях между советской политической полицией и милицией при Сталине см.: *Shearer D.* Policing Stalin's Socialism. Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953. – Stanford, CA: Hoover Institution, Stanford University; New Haven and London: Yale University Press, 2009.

казаниям, несмотря на то, что Дербенцев дал их в качестве арестованного и уже сознавшегося «в участии в антисоветской организации в Молдавии». Кроме того, начальником 3-го отдела Александром Сократовичем Томиным и его заместителем Василием Ивановичем Кирюшиным были получены признания от бывшего директора Котовской МТС Кошелева, где Борисов работал раньше. Показания против Борисова и Константинова также дал Кирюшину и Томину арестованный врач Котовской районной больницы Сорочан¹⁷.

В июле 1938 г. новым заместителем Широкого стал Николай Павлович Малышев, а в начале августа пост начальника 4-го отдела занял переведённый из Одессы Иван Фёдорович Мягков. Они приняли участие в следствии по «правотроцкистскому делу». Мягков преимущественно допрашивал арестованных, принадлежавших к среднему рангу номенклатуры, таких как Боржаковский, Верин, Богуш, Царанов¹⁸, Абрамович, Александров, Стелин и Шендеровский. Широкий признавал, что он также лично допрашивал арестованных, особенно Абрамовича.

Широкий утверждал, что он не давал приказа своим подчинённым собирать компрометирующие показания на Борисова и его «соратников». Наоборот, он якобы очень чётко распорядился на этот счёт, «предупредив о конспирации и категорически запретив использовать эти материалы в следствии»¹⁹. Он признал, что только в протокол допроса Шендеровского были включены два неточных факта. Первая «неточность» состояла в том, что в список участников «националистического и правотроцкистского подполья» был добавлен председатель Верховного Совета МАССР Константинов. О второй «неточности» в показаниях Шендеровского Широкий умалчивает²⁰. Однако ут-

¹⁷ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 24-25.

¹⁸ До ареста Царанов исполнял обязанности заведующего отделом пропаганды, агитации и печати Молдавского обкома КП(б)У. Позже, с 1944 по 1947 г., был секретарём ЦК КП(б) Молдавии. Он рассказал о своём аресте в 1938-1939 гг. только в 1989 г. См.: *Стратиевский К. Царанов Степан Васильевич. Страницы жизни.* - Кишинёв: Elan Poligraf, 2004. - С. 74-86.

¹⁹ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 23, 25, 26.

²⁰ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 28.

верждение Широкого, что он не давал указаний подчинённым собирать показания на Борисова и его соратников, выглядит неубедительно. Представляется немыслимым в атмосфере того времени, чтобы после того, как Широкий получил чёткие приказы от Лютото и Шейнина открыть дело на первого секретаря Молдавского обкома КП(б)У, он бы оставил эти приказы без внимания. Слишком велик был риск для Широкого самому оказаться в числе «врагов». Широкий писал, что

«в конечном итоге получилось, в силу изложенных причин, что я неправильно сориентировал следствие на вскрытие верхушки правотроцкистской организации из-за неверной оперативной оценки мной материалов и всех обстоятельств»,

связанных с этим делом. Он жаловался на «отсутствие достаточного опыта руководящей работы» и на существование «ненормальной деловой обстановки». Так, к его приезду в МАССР имелось свыше 1000 просроченных дел арестованных, из которых 700 человек ещё не были допрошены; из 411 справок по приказу № 00486 ни одна не была оформлена. Также НКВД МАССР испытывал недостаток кадров. Поэтому у него не было времени вникать лично во все дела арестованных. Из этого и последовала его «грубая ошибка» и оценка «с неверных позиций» работы комиссии НКВД УССР по проверке НКВД МАССР, а также апелляция её выводов в ЦК ВКП (б) и ЦК КП(б)У²¹.

**«Прошу считать меня единственным
виновником в допущенных ошибках»**

6 сентября 1938 г. Широкий написал третье письмо Успенскому. Более половины текста здесь составляют данные, уже приведённые во втором письме. Однако Широкий упоминает и новые детали, связанные с делом Борисова, Стрешного и Константинова. Речь идёт в основном о характере личных отношений между ним, Широким, с одной стороны, и вышеназванными руководителями МАССР, с другой. Кроме того, он пишет о времени, когда он начал сомневаться по поводу правдоподобности обвинений против руководства МАССР и мотивах этих

²¹ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 29–30.

сомнений. Так, Широкий встретился с Борисовым и Стрешным сразу после своего первого приезда в Тирасполь в мае 1938 г., прежде чем он был официально назначен наркомом внутренних дел (т. е. до 20 мая 1938 г.). Константинова он встретил позже. Все трое его «встретили тепло и отзывчиво», Широкий «платил взаимностью» и в дальнейшем эти отношения были хорошими.

За несколько дней до официального назначения, Широкий встретился с Борисовым, который предложил наркому стать кандидатом в члены Молдавского обкома КП(б)У и кандидатом на предстоящих выборах в Верховный Совет УССР. Однако Широкий якобы отверг категорически эти предложения, считая «неверным и нескромным» пойти на такое. Позже Борисов предложил Широкому стать хотя бы кандидатом на выборах в Верховный Совет МАССР. Так как это было сделано «почти в обязательной форме», Широкий на этот раз согласился. По словам Широкого, Борисов внёс большой вклад в дело укрепления кадров НКВД, обязав всех первых секретарей райкомов КП(б)У оказать помощь НКВД в пополнении аппарата, особенно отделов милиции. В результате милиция получила 25–30 партийных, советских и комсомольских работников, что было оценено Широким как «оздоровление» милицейского аппарата и положительно сказалось на работе, направленной на выявление «антисоветских элементов».

В свою очередь, председатель СНК МАССР Стрешный предложил Широкому материальную помощь в виде ежемесячной дотации 400–500 руб. из специального фонда, от которой глава НКВД категорически отказался. Это никак не повлияло на их взаимоотношения, напротив – они стали, по крайней мере, со Стрешным, «близкими к приятельским»²². Таким образом, высокопоставленные чиновники МАССР постарались наладить хорошие отношения с новым наркомом внутренних дел МАССР, предложив ему конкретные преференции.

²² ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 58–60.

²³ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 58.

Кроме этих двух аспектов в указанном письме, нарком внутренних дел МАССР указал на ещё один важный факт, который даёт представление о некоторых внутренних взаимоотношениях во время «Большого террора». Дословно Широкий писал следующее:

«Я здесь не говорю о допущенной мною ошибке в связи с выводами Комиссии [НКВД УССР], так как об этом писал в предыдущем рапорте. Эта ошибка явилась следствием, с одной стороны – нажима на меня руководящих работников, которые верили в показания о Борисове, и с другой, – в результате моей непартийной позиции, желая сохранить “честь мундира”. Это так, и я говорю об этом прямо»²³.

Снова возникает всё тот же вопрос: кто нажимал на Широкого, чтобы он написал первое письмо, в котором взял на себя полную ответственность за фабрикацию дел против высших руководителей МАССР? По всей видимости, нажим на Широкого – с целью вынудить его признать невиновность Борисова, Стрешного и Константинова – был осуществлён партийным руководством из Киева, которое в это время стало защищать свои региональные кадры. На этот вывод наводит тот факт, что в последние месяцы «Большого террора» (сентябрь–ноябрь 1938 г.) наблюдалась общая тенденция восстановления авторитета партийных органов по отношению к органам НКВД²⁴. Последние, как известно, с согласия Сталина и политбюро доминировали во всех органах власти, в том числе и в партийных, по крайней мере, с лета 1937 г.²⁵ Кроме того, выражение Широкого о «желании сохранить “честь мундира”» предполагает, по всей вероятности, стремление сохранить престиж органов госбезопасности перед лицом партийного руководства, так как они нередко конфликтовали и конфликтовали между собой. Позже, в последнем

²⁴ В это время наблюдается тенденция назначения на руководящие должности в НКВД партийных работников. См. например, в Украине: Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. – М.: МФД, 2006. – С. 13. Однако летом 1937 г. сотрудники НКВД назначались на руководящие партийные должности.

²⁵ Хлевнюк О. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 349–351.

письме, написанном 16 декабря 1938 г., за два дня до смерти, Широкий скажет об этом прямо, указав на Хрущёва²⁶.

В этом письме есть ещё и другие интересные моменты, которые связаны с первым и вторым письмами. Несмотря на то, что, по словам Широкого, первое письмо было написано под нажимом и главный тезис этого письма сводился к невинности руководства МАССР и полной ответственности наркома за фабрикацию дела «правотроцкистской организации», в третьем письме он снова это подтвердил. Трудно сказать, было ли это написано добровольно или вновь под нажимом. В добавление Широкий писал о том, что он не испытывал личной вражды или обиды на высшее руководство МАССР. То есть, он и на сей раз снова взял на себя полную ответственность за открытие дела на Борисова и других руководителей Молдавии, акцентируя внимание на выполнении служебного долга. Однако, на этот раз, по сравнению со вторым письмом, Широкий не перекладывал частично вину на Ривлина, Лютого и Шейнина за их роль в его «ошибочной ориентации». То же самое происходит и по отношению к другим сотрудникам, таким как Кирюшин, Малышев и Мягков, даже если они непосредственно вели это дело²⁷.

²⁶ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 328. Впоследствии Кирюшин и Малышев были также включены в списки «врагов народа», как отметили участники совещания оперативных работников НКВД МАССР и райотделений, проведённого в Молдавском обкоме КП(б)У 23 ноября 1938 г., а также год спустя, 15 ноября 1939 г. См. ГДА СБ України, ф. 16, оп. 31, спр. 57, арк. 419; оп. 32, спр. 25, спр. 141, 150. Отдельные работники НКВД, как, например, начальник Котовского РО НКВД Великанов, жаловались также на сотрудника центрального аппарата НКВД МАССР Мягкова, за ориентацию «на разработку руководящих работников района». См.: Там само, оп. 32, спр. 25, арк. 412. Нам не удалось пока узнать о дальнейшей судьбе Кирюшина, Малышева и Мягкова. Их дела не числятся в бывшем архиве КГБ МССР в Кишинёве. Критиковалась также деятельность Томина и Лютого. Томина 14 октября 1939 г. Молдавский обком КП(б)У исключил из партии. В январе 1941 г. его осудили на 6 лет ИТЛ, но досрочно освободили указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1942 г., без снятия судимости. См. Там само, оп. 32, спр. 25, арк. 408, 410, 413. См. также: «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР. 1937–1941 гг. – М.: РОССПЭН, 2010. – Т. 2. – С. 692.

²⁷ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 53, 60.

**«Обращаюсь к Вам с единственной просьбой –
дать мне возможность исправить допущенную ошибку
на Украине перед переездом в любое место СССР»**

24 сентября 1938 г. Широкий написал четвёртое письмо Успенскому. Он признавал себя виновным, но просил, чтобы ему позволили исправить ошибки и оставили на время работать в НКВД УССР, поскольку он родился в Украине, вырос и работал здесь «безвыездно». После этого он был готов пойти «с чистой партийной совестью» работать в других частях Советского Союза. Широкий напоминал, что за всё время его службы в органах он всегда был примерным работником, участвовал во всех «хозяйственно-политических кампаниях», до конца выполняя даваемые ему поручения. Широкий писал также о том, что он один из первых, будучи начальником 5-го (Особого) отдела Черниговского УНКВД, ещё в апреле 1937 г. «начал вскрывать существование военно-фашистского заговора в РККА». Кроме своей привязанности к УССР, он подчёркивал тот факт, что «в нынешней международной обстановке» эта республика является одним из «важнейших форпостов Советского Союза». В этой ситуации он чувствовал, что его «долг чести работать сейчас на Украине».

В этом письме Широкий впервые дважды упоминает имя Хрущёва в контексте того, что он чувствует себя обязанным не только Успенскому в том, что тот назначил его на руководящую должность, но и первому секретарю ЦК КП(б) Украины. Вероятно, он понял, что его судьба находилась не только в руках Успенского, но и Хрущёва²⁸.

Донос и компромат на Широкого

Доносительство были обычным явлением во время «Большого террора». В следственном деле Широкого фигурирует донос. Он принадлежит младшему лейтенанту госбезопасности, бывшему начальнику Нежинского райотдела УНКВД по Черниговской области Александру Юрьевичу Розумянскому, т. е. быв-

²⁸ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 84–87.

шему подчинённому Широкого. Письмо было адресовано Ежову и написано, по всей вероятности, в конце 1937 г. или в начале 1938 г. Он обвинял Широкого в участии в «антисоветской банде Григорьева» во время гражданской войны. Розумянский также доносил о том, что Широкий происходил из «семьи крупного кулака»²⁹.

Другая компрометирующая информация на Широкого сводилась к тому, что последний был знаком с некоторыми «врагами народа», осуждёнными в 1937 г. Конкретно речь шла о бывшем сотруднике ЧК-ОГПУ с 1921 г. М. К. Александровском – начальнике Особого отдела Киевского военного округа (1933–1936) и начальнике 3-го отдела УГБ НКВД УССР. Непосредственно перед своим арестом в июле 1937 г. он исполнял обязанности заместителя начальника 4-го (разведывательного) управления генерального штаба РККА (расстрелян 15 ноября 1937 г.)³⁰. Упоминались также заместитель начальника 5-го отдела УГБ НКВД УССР Юлиан Игнатьевич Бржезовский (арестован 5 мая 1937 г. и расстрелян 21 августа 1937 г.)³¹ и начальник Черниговского УНКВД (январь–июнь 1937 г.) Пётр Григорьевич Соколов-Шостак (расстрелян 7 сентября 1937 г.)³².

Обвинение в том, что Широкий участвовал в отряде Григорьева, не было новостью для НКВД. В 1929 г. была получена анонимка, в которой указывалось, что Широкий служил на командной должности в Григорьевском полку и «поднимал восстание против Советской власти» и «расстреливал коммунистов». Постановление Кировской окружной контрольной комиссии от 19 августа 1929 г. констатировало, что эти данные не подтвердились³³.

²⁹ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 88.

³⁰ Энциклопедия секретных служб России. – М.: АСТ, 2004. – С. 425.

³¹ Режим доступа: <http://www.knowbysight.info/BBB/12200.asp>.

³² Кто руководил НКВД. 1934–1941. – С. 387–388.

³³ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 191. Как было отмечено выше, копия этого постановления была найдена при обыске квартиры Широкого 27 сентября 1938 г. См.: Там же, f. 10 verso.

**Кто виноват?
Широкий и допрос его подчинённых**

Донос Розумянского сначала не повлиял на карьеру Широкого в НКВД. Однако в дальнейшем именно этот донос послужил поводом открытия дела на Широкого. Начало следствия в отношении Широкого может быть разделено на две стадии. Первая – начало сентября 1938 г. – знаменовалась проверкой деятельности НКВД МАССР, произведённой специальной комиссией НКВД УССР. Вторая, решающая, продолжалась в Киеве в период с 4 по 20 сентября 1938 г. В Киев были вызваны для повторного допроса не только подчинённые Широкого и сам нарком, но и основные арестованные по делу «правотроцкистской организации». Нам не известны детали проверки комиссии НКВД УССР в Тирасполе. Однако выявлены интересные материалы о допросах в Киеве как жертв, так и сотрудников НКВД МАССР.

Среди лиц, арестованных органами НКВД МАССР и допрошенных повторно в Киеве, были бывший нарком коммунального хозяйства МАССР Занзел Зунделеевич Абрамович, бывший директор «Молдторга» Макар Тимофеевич Шендеровский, бывший директор «Книгокультурга» Андрей Степанович Богуш, бывший служащий Степан Андреевич Кошелев, бывший председатель правления Молдавского союза кооперации инвалидов Николай Лаврентьевич Демус и др. Демус, например, жаловался, что Мягков заставил его дать показания на отдельных лиц³⁴:

«Мягков настаивал и мне пришлось наугад называть фамилии партийных работников [...]. [Мягков:] “Да нет, это мелкие люди [...] ты называй повыше [...] ну самую верхушку знаешь в Тирасполе, называй самую головку, что выше уже нет [...]”. [Демус:] Я стал вслух перебирать фамилии Борисова, Стрешного, Константинова. Здесь Мягков меня оборвал, заявив, что с этих бы и начинал».

14 сентября 1938 г. в Киеве передопрашивали Абрамовича, Богуша, Кошелева и Шендеровского. Абрамович показал, что его допрашивали Мягков, Малышев и Широкий. Однажды Мягков попросил Абрамовича охарактеризовать Борисова, Стреш-

³⁴ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 133.

ного и Константинова, но был разочарован ответами. Он настаивал на версии, что они являлись «лидерами правотроцкистской организации» и требовал признания против них. Абрамович отказался дать показания против трёх руководителей МАССР, но следователи настаивали на том, чтобы он подписывал протоколы допросов, в которые против его воли были включены такие обвинения³⁵. Шендеровским также были даны показания о фальсификации протоколов допросов, в том числе относительно компрометирующих сведений о Борисове, Стрешном и Константинове. В этом случае, показал Шендеровский, Мягков действовал в соответствии с инструкциями, полученными от Широкого. Кроме того, нарком лично заставил арестованного Абрамовича дать аналогичные показания. В принуждении Шендеровского к даче показаний был также замешан заместитель начальника 4-го (секретно-политического) отдела НКВД МАССР И. А. Лоцилов³⁶.

Другие задержанные признались в Киеве, что они согласились оговорить руководителей МАССР, с которыми они встречались хотя бы один раз, но отказались показывать против тех, которых никогда в жизни не видели. Например, Кошелев под давлением следователей Кирюшина и Томина согласился подписать признание о Борисове по той причине, что, по крайней мере, он его знал лично, но не стал делать то же самое в отношении Константинова, ссылаясь на то, что он вообще его не знает. Томин, со своей стороны, прямо сказал, что «надо помочь нам, следствию, в этом деле». То же самое повторил заместитель секретаря партийной организации НКВД МАССР Александр Иванович Маглеванный, но Кошелев не согласился и отстаивал свою позицию до конца³⁷. Арестованный Богуш тоже подтвердил использование следователями Мягковым и Лоциловым давления в ходе допросов. В какой-то момент Мягков сказал: «В интересах дела мы должны это записать»³⁸.

³⁵ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 106–107.

³⁶ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 144–146.

³⁷ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 153–155.

³⁸ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 158–164.

Именно начальника 4-го отдела НКВД МАССР Мягкова вызвали на допрос в Киев. 19 сентября 1938 г. он признал, что протоколы допросов по «правотроцкистской организации» были сфабрикованы, а в ходе следствия были использованы «недопустимые методы». Мягков обвинил Широкого в «провоцировании» фальсификации следствия. Однако Мягков признавал и свою долю вины, т. к.

«позволил ему [Широкому] сделать себя послушным орудием в его руках в деле создания этих провокационных показаний по правотроцкистскому центру в Молдавии»³⁹.

Смягчающим обстоятельством в свою пользу Мягков назвал то, что он был лишь недавно прислан на работу в НКВД МАССР. Это произошло 7 августа 1938 г., и он ещё не успел вникнуть в ситуацию на месте. Он также показал, что сразу же по прибытию в Тирасполь Широкий сказал ему, что Борисов, Стрешный и Константинов являются «врагами» (то же самое Ривлин сказал Широкому, когда последний приехал на работу в МАССР в мае 1938 г.) и недвусмысленно намекнул на необходимость получения признаний по этому поводу. Мягков утверждал, что у него не было причин не верить Широкому, так как сказанное им было подтверждено признаниями двух человек, допрошенных ранее (Сорочана и Кошелева). Важно отметить следующие показания Мягкова:

«Широкий передо мной поставил задачу так – бросить все дела и целиком заняться этим правотроцкистским центром и во что бы то ни стало вскрыть его в том составе, в котором он его составил»⁴⁰.

Кроме того, Широкий якобы заставлял подписывать протоколы допросов после того, как он изменял показания. Например, однажды он добавил в протокол допроса Шендеровского информацию об его участии в петлюровском движении и заставил подписать эти показания. Арестованный Кошелев не хотел признаваться в «контрреволюционной деятельности»,

³⁹ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 115.

⁴⁰ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 114, 116. См.: ГДА СБ України, ф. 16, оп. 32, спр. 25, арк. 140, 150.

но после того как с ним провёл разговор Широкий, он решил «сознаться»⁴¹.

Не только у Мягкова можно отметить стремление возложить основную ответственность за фальсификацию протоколов допросов на Широкого. В письме наркому внутренних дел УССР Успенскому, написанном в середине сентября 1938 г., заместитель наркома внутренних дел МАССР Малышев отметил, что сразу же после его прибытия в Тирасполь 13 июля 1938 г. Широкий поручил ему работать по делу «правотроцкистской организации», назвав Борисова, Стрешного и Константинова в качестве её руководителей. Широкий ссылался на тот факт, что все они были связаны с бывшими председателем СНК МАССР Григорием Старым, председателем ЦИК МАССР Евстафием Вороновичем, вторым секретарём Молдавского обкома КП(б)У Николаем Голубем. Последние стали жертвами репрессий во время первого этапа «чистки» местных элит осенью 1937 г. Малышев признался в письме Успенскому, что только в конце августа 1938 г., во время работы комиссии НКВД УССР в Тирасполе, понял, что дело на руководителей МАССР было сфабриковано. Малышев обвинил в этом Широкого, а также Мягкова и Лоцилова. В то же время Малышев стремился свести ответственность Мягкова и Лоцилова к минимуму на том основании, что первый работал в НКВД МАССР с начала августа 1938 г., а другой – «работал в НКВД всего четыре года» (sic!). Из этого очевидно, что Малышев попытался защитить подчинённых, поскольку аргументы, высказанные им, трудно считать убедительными, особенно в случае Лоцилова. Причиной может быть и то, что Мягков, Лоцилов и сам Малышев представляли собой типичный пример верных исполнителей приказов Широкого и стремились минимизировать собственную ответственность за фабрикации следственных дел⁴².

На следующий день, 20 сентября 1938 г., Лоцилов также признался, что дело так называемой «правотроцкистской организации» было сфабриковано. Он показал, что изначально уча-

⁴¹ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 116-121.

⁴² ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 166-170.

ствовал в допросах по этому делу, но уже на тот момент сомневался в причастности Борисова, Стрешного и Константинова, поскольку никто из ранее допрашиваемых не упоминал эти имена. Ситуация изменилась в начале августа, когда Мягков занял пост начальника 4-го отдела. Последний, совместно с Широким, «нажимал» на арестованных, чтобы те дали показания против руководства МАССР. Следует заметить, что Лощилов не уточнял, о каких конкретных методах «нажима» шла речь⁴³.

Другой подчинённый Широкого, будущий заместитель наркома НКВД МАССР с октября 1938 г. по ноябрь 1939 г. Александр Сократович Томин, будучи начальником 3-го отдела НКВД МАССР летом 1938 г., сообщил на допросе интересные подробности. Он заявил, что Широкий использовал практику передачи арестованных из одного отдела в другой в том случае, если они не давали нужные показания. Например, арестованных, находившихся в распоряжении 3-го (контрразведывательного) отдела, передавали в 4-й (секретно-политический) отдел, как это было в случае с Демусом и Кошелевым. В результате менялись обвинения против этих лиц. Например, если первоначально Демуса обвинили в том, что он был членом «повстанческой организации бывших партизан», то после его передачи 3-му отделу он был обвинён в членстве в «правотроцкистской организации». Кошелев первоначально обвинялся в том, что был «членом правотроцкистской организации» (4-й отдел), а затем – в участии в «националистической подпольной организации» (3-й отдел)⁴⁴.

О происходящем в Тираспольском тюрьме в бытность наркома Широкого проинформировал арестованный Величко:

«Дело в том, что сразу после ареста, сидя в тюрьме, я был свидетелем самых зверских избиений и пыток, применявшихся сотрудниками НКВД МАССР в отношении арестованных, не признававших себя виновными в предъявленных им обвинениях. Я видел, что рано или поздно, но арестованных заставляют признаваться и дать нужные показания. Вот почему, будучи в первый раз вызван на допрос к следователю Шпицу, я, после того,

⁴³ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 94–97.

⁴⁴ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 171–174.

как он заявил мне, что либо я признаю себя виновным, либо меня будут избивать, – решил, что лучше дать показания, но не мучиться. Я написал все, что подсказал Шпиц, и признал своё участие в несуществующей контрреволюционной фашистской молодёжной организации, а также назвал в качестве участников организации группу своих товарищей, молодых учителей, названных мне Шпицем. Так я оговорил себя и других [...]. Потом следствие перешло к следователю Волкову, который оказался ещё хуже, чем Шпиц. Действуя теми же методами криков, брани и угроз, Волков заставлял меня писать всё новые и новые показания, втягивая и оговаривая всё новых и новых людей и выдумывая новые преступления – террор, шпионаж в пользу румынской разведки, “местный террор”, потом “центральный” террор, повстанческая деятельность, склады оружия, вредительство т. п. Вся эта чушь, весь этот фантастический вымысел диктовались следователем Волковым»⁴⁵.

Это свидетельство арестованного подтверждает то, что говорил на допросе бывший следователь Павел Григорьевич Чичкало. Волков, со своей стороны, на допросе всё «свалил» на Широкого. Он заявил, что последний кричал на него, когда у него появились сомнения в достоверности агентурных данных о численности «фашистской молодёжной организации». По этому поводу Широкий сказал Волкову, что не надо «разводить философию» и приказал ему «садиться на следствие и нажать дальше»⁴⁶. Однако Широкий на допросе 15 декабря 1938 г. отрицал эту версию⁴⁷. Как нарком, так и его подчинённые старались переложить вину друг на друга и избежать личной ответственности за «нарушение социалистической законности».

«Дело Широкого»

К концу сентября 1938 г., несмотря на наличие достаточных обличительных показаний против Широкого, его судьба всё ещё не была предрешена. В конце 1938 – начале 1939 г. в СССР из органов НКВД были изгнаны около 7 тыс. сотрудников. Из них были осуждены только около 1000 человек, в основном к

⁴⁵ ASISRM–KGB, dosar 32904, vol. I, f. 122–123.

⁴⁶ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 217.

⁴⁷ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 235.

расстрелу⁴⁸. Теоретически, Широкий мог бы быть приговорён к 5–10 годам лишения свободы или к ВМН. До начала декабря 1938 г. не было ясно, какие к нему будут применены санкции. Но вскоре ситуация изменилась, так как дело одной из жертв НКВД МАССР оказалось в поле зрения высшего руководства СССР. На заседании политбюро ЦК ВКП(б) от 1 декабря 1938 г. предметом обсуждения стало письмо директора школы с. Ближний Хутор Тираспольского р-на Тимофея Садалюка. Оно было направлено в конце ноября 1938 г. Сталину, Молотову, Ежову, Хрущёву, Коротченко и Успенскому⁴⁹. Садалюк жаловался, что он был арестован НКВД МАССР 10 июля 1938 г., спустя два месяца после того, как получил легковой автомобиль ГАЗ-А по решению 1-го секретаря КП(б)У Хрущёва и председателя Совнаркома Украины Коротченко. Его обвинили в том, что состоял членом «молодёжной фашистской организации». На самом деле, как стало известно позже, причиной ареста стало желание руководства местного НКВД заполучить его автомобиль. Садалюк, кстати, полностью оплатил стоимость машины. Больше трёх месяцев его совсем не допрашивали, и только 22–23 сентября 1938 г. его вызвал на допрос следователь Чичкало. Примерно через 3 недели, в середине октября, его снова вызывали на допрос несколько раз, но следователем был уже Розенфельд. Тот принял решение о немедленном освобождении Садалюка. После освобождения Садалюк, наверное, не планировал жаловаться в ЦК КП(б)У и ЦК ВКП(б). Однако его автомобиль за 3 месяца наездил 17 000 км, в результате чего «мотор, кузов и резина [стали] совершенно непригодны». Садалюк попросил НКВД МАССР отремонтировать автомобиль, но напрасно. В результате Садалюк решил пожаловаться непосредственно Сталину, Хрущёву и Ежову⁵⁰.

⁴⁸ *Graziosi A. Histoire de l'URSS. – Paris: Presse Univer. de France, 2010. – P. 138.*

⁴⁹ В копии письма, присланном Садалюком, которое легло в основу дела на Чичкало и других работников НКВД МССР (см. ниже), не фигурирует имя Успенского. См. ASISRM–KGB, dosar 32904, vol. I, f. 2. Между тем, Успенский 14 ноября 1938 г. бежал из Киева и скрылся. См. Кто руководил НКВД. 1934–1941. – С. 417.

⁵⁰ *Хлевнюк О. Указ. соч. – С. 355–357.*

Почему политбюро рассмотрело именно его письмо? Возможно, потому, что это дело было связано с именем Хрущёва⁵¹ (и Коротченко). Согласно письму Садалюка, во время допросов следователь Чичкало намекнул ему на то, что Хрущёв и Коротченко также были замешаны в «молодёжной фашистской организации» – по той простой причине, что они распорядились выдать Садалюку автомобиль:

«[...] Это не все. Садись, фашистская морда, и пиши, что Коротченко и Хрущёв дали тебе машину с целью ездить по Молдавии и производить вербовку в организацию»⁵².

Возможно, свою роль также сыграло социальное происхождение самого Садалюка – выходца из рабочей семьи, а также партийность его отца-коммуниста⁵³. Садалюк писал:

«Отец, рабочий, старый коммунист. Работает по сей час заведующим Немировским райФО. Мне 25 лет. В комсомол вступил с пионерской организации в 1928 г. [...] Благодаря советской власти и товарищу Сталину, я имею высшее образование и работаю директором школы. Партийные и советские организации г. Тирасполя считают меня одним из лучших организаторов и воспитателей школы. Об этом я написал в Киев тт. Коротченко и Хрущёву и, что по призыву Героя Советского Союза т. Водопьянова изучил автомотор, культурно и экономически вырос и желаю иметь автомашину в личном пользовании. Мою просьбу Совет Народных Комиссаров УССР удовлетворил от 7.V.1938 г.»⁵⁴

Расследование этого дела началось с допросов самого Садалюка и его следователя Павла Григорьевича Чичкало 5 декабря 1938 г. в Киеве. Дело вели следователь по особо важным делам

⁵¹ Хрущёв был далеко не единственным партийным руководителем высшего звена, который был замечен в «подозрительных» связях с арестованными. См. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» – Николай Ежов. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 193. Поэтому нельзя недооценить заинтересованность Хрущёва и партийных выдвиженцев в сворачивании «Большого террора» и желания отомстить сотрудникам НКВД, которые были замешаны в фабрикации такого рода дел.

⁵² ASISRM–KGB, dosar 32904, vol. I, f. 2. Зачёркнуто красным карандашом.

⁵³ *Хлевнюк О.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – С. 355.

⁵⁴ ASISRM–KGB, dosar 32904, vol. I, f. 3.

и начальник следственного отдела при Прокуратуре СССР Л. Шейнин, заместитель наркома внутренних дел УССР (фактически возглавлявший наркомат) Амаяк Захарович Кобулов и оперуполномоченный 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР, лейтенант государственной безопасности Николай Владимирович Ломов.

Чичкало было всего 20 лет, когда его в начале марта 1938 г. направили на работу в НКВД МАССР. До этого он был студентом 2-го курса Черниговского педагогического института. У него не было соответствующего образования или опыта работы в НКВД. Однако, несмотря на это, Чичкало за короткое время стал одним из самых жестоких следователей в Тирасполе. На следствии он обвинил непосредственных начальников, в том числе и Широкого, в требовании «нажима» на арестованных, надеясь, вероятно, что эта стратегия позволит увеличить его шансы на выживание. Также Чичкало дал наиболее ценные показания о подготовке к самостоятельной работе молодых следователей, о реализации «Большого террора» в МАССР весной–летом 1938 г.:

«По прибытии в Тирасполь, Павликов [начальник опергруппы] начал меня учить ставить арестованных на “стойку”, избивать подследственных и, таким образом, как он выражался, “раскалывать” их, т. е. получать у них нужные показания [...]. В дальнейшем Павликов, как мне известно, сам оказался врагом и был репрессирован. В процессе моей последующей работы в НКВД я от руководства в лице Юфы и Мягкова получал аналогичные установки следствия. Также ещё мне говорили, что от арестованных [показаний] надо добиваться криком, “стойками” и т. п. Вместе с тем, меня не учили, как нормально вести следствие, как собирать улики, анализировать их и сопоставлять и т. п. Вообще, обстановка при Наркоме Широком была нездоровая. Массовые аресты, арестованные часто подолгу сидели без допроса, неизвестно, за какими следователями числились, применялись незаконные методы следствия и т. д. Широкий, Юфа и др. работники меня учили, что раз человек попал в НКВД, то он должен дать признание, он враг и должен дать показание. При мне тогда ни одного человека не освободили. Вторая установка: побольше брать людей, а кончать дела не так важно. И главное, если люди взяты из одного места, то обязательно всех пропускать через протоколы опроса каждого. И, наконец, главное, что-

бы в протоколах назывались не 5–6 чел., как участники организации, а 30–50 чел. Эту установку давал Юфа и Широкий»⁵⁵.

Чичкало описывает также атмосферу всеобщей паранойи и недоверия по отношению ко всем, кто не работал в НКВД. Соответственно, все были под подозрением, что являются врагами. Сотрудникам НКВД была внушена идея, что если они не будут действовать соответственно, они сами рискуют стать жертвами организованных антисоветских элементов. Чичкало так описывал решающую роль Широкого и его непосредственных подчинённых в создании атмосферы всеобщей подозрительности:

«Широкий, Юфа приучали и прививали сотрудникам, в частности мне, то, что на Молдавии – сама[я] контрреволюция. Работал всё время в Наркомате, в массы почти никогда не шёл, отстал от всей общественной политической жизни, занятий никаких не было, собраний тоже, и я жил исключительно показаниями [...] Не верить в то, что перед тобой не враг, нельзя было потому, что таких сотрудников считали как симпатизирующими врагам. Поэтому я так внушил себе, что все враги, что ночью сонный схватывался и начинал допрашивать спящих возле меня товарищей. Больше того, когда приходилось со своими товарищами сталкиваться с людьми, то не только я, но и другие молодые работники, [в адрес] попадающихся навстречу людей говорили, что и этот должен быть враг и завтра будем [его] допрашивать. Дальше на оперативных совещаниях Широкий наводил панику, тогда я и другие воспринимали как действительность, что вокруг нас множество врагов, что существуют всякие параллельные центры, что нас могут всякую минуту забросать бомбами, что нужно нажимать на арестованных и требовать от них оружия, центры и проч. [...] Ещё практика Широкого была такая. Когда требовалось санкция на арест из Киева, то Широкий так делал – арестует, добьётся сознания, а потом уже берут санкцию, такой-то сознался в своих преступлениях, и Киев не мог не дать санкции»⁵⁶.

Чичкало, как и ранее Малышев⁵⁷, также опроверг показания Широкого о том, что тот не давал подчинённым никаких указа-

⁵⁵ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 218, 220; dosar 32904, vol. I, f. 31–32.

⁵⁶ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 222.

⁵⁷ См.: ГДА СБ України, ф. 16, оп. 31, спр. 57, арк. 408, 418.

ний по поводу получения показаний против Борисова, Стрешного и Константинова:

«Через начальника 4 отделения Мягкова от б[ывшего] Наркома Внудел МАССР Широкого мне давалась категорическая установка получить от арестованного Борзаковского показания о наличии в МАССР областного правотроцкистского центра, в который должны были входить Борисов, секретарь обкома ВКП(б), Стрешный, Пред[седатель] СНК АМССР, и др. При этом мне было известно, что на указанных мною лиц бывшим Наркомом Широким, Зам[естителем] Наркома Малышевым и нач[альником] 4 отдела УГБ НКВД Мягковым от арестованных Абрамовича, Верина, Кошелева и др. были получены клеветнические показания об якобы к[онтр]-р[еволюционной] правотроцкистской деятельности»⁵⁸.

В свою очередь, помощник оперуполномоченного и секретарь 4-го отдела УГБ НКВД МАССР Семён Кальманович Розенфельд (следователь, который освободил Садалюка) 6 декабря 1938 г. показал:

«Чичкало – молодой работник, но был у Юфы на хорошем счету, так как умел быстро получать от арестованных признание. Я слышал, что он больше брал криком и побоями. Юфа таких следователей поощрял»⁵⁹.

Среди методов, которые применялись к арестованным, не всегда значилось прямое и грубое физическое насилие. Использовались непрерывные допросы по несколько суток подряд. Например, Чичкало упоминает допрос заместителя наркома социального обеспечения МАССР Анны Николаевны Варварецкой. После ареста её допрашивали пять суток без перерыва. В конечном итоге она так и не призналась в предъявленных обвинениях и была освобождена⁶⁰. Стоит отметить, что это произошло в конце ноября 1938 г., после принятия постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б), которое положило конец массовым операциям.

⁵⁸ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 223.

⁵⁹ ASISRM–KGB, dosar 32904, vol. I, f. 101.

⁶⁰ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 222; См.: Дело Варварецкой. Arhiva Națională a Republicii Moldova (Национальный архив Республики Молдова), f. R-3401, inv. 1, dosar 2701.

Шейнин, Кобулов и Ломов допрашивали не только Чичкало. В «деле 58» «по обвинению бывших сотрудников НКВД Молдавской АССР», кроме Чичкало, также фигурировали бывший начальник 4-го отдела УГБ НКВД МАССР, лейтенант госбезопасности Григорий Наумович Юфа, бывший оперуполномоченный УГБ НКВД МАССР, младший лейтенант госбезопасности Иван Васильевич Волков, бывший помощник оперуполномоченного УГБ–НКВД МАССР, сержант госбезопасности Исаак Аронович Шпиц, внештатный сотрудник НКВД МАССР Степан Порфирьевич Кузьменко. Все они были приговорены 31 декабря 1938 г. Военным трибуналом пограничных и внутренних войск к высшей мере наказания. Осуждённые просили о помиловании, но Военная коллегия Верховного суда СССР отклонила кассационную жалобу «вследствие того, что обвинения, предъявленные Юфе, Волкову, Шпицу, Чичкало и Кузьменко, полностью подтверждены на судебном заседании». Все пятеро были расстреляны 11 января 1939 г.⁶¹

В ходе допросов этой «пятерки» бывших сотрудников НКВД МАССР выяснились дополнительные детали массового террора. Так, для искусственного создания дел были использованы фиктивные агентурные рапорты. Например, для фабрикации дела «контрреволюционной фашистской молодёжной организации в МАССР», якобы ставившей своей задачей подготовку вооружённого свержения советской власти, в состав которой был впоследствии включён молодой учитель Садалюк, был использован фиктивный доклад агента «Фокус». Под этой кличкой скрывался Кузьменко, один из пяти приговорённых к ВМН. Во время процесса было вскрыто, что агент «Фокус» использовался Юфой с тех пор, когда последний, ещё до перевода в Тирасполь, работал начальником Балтского РО НКВД МАССР. Юфа лично перевёл Кузьменко в Тирасполь сразу после своего назначения на руководящую работу в НКВД МАССР. Кроме того, в фабрикации рапорта агента был замешан сам бывший нарком Широкий, который, по заявлению Юфы и других подчинённых, лично выправил доклад в «сторону заострения вопроса о нали-

⁶¹ ASISRM–KGB, dosar 32904, vol. III, f. 54–58 verso, 81–82, 87, 89–90.

чий контрреволюционной троцкистской организации, фашистской молодёжной организации»⁶².

Приговор по «обвинению бывших сотрудников НКВД Молдавской АССР» содержит одну очень важную деталь. В нем сказано, что «дело в отношении Широкого прекращено за смертью его до суда»⁶³. Это значит, что разбирательство в отношении Юфы, Волкова, Шпиц, Чичкало и Кузьменко было составной частью дела, начатого в конце сентября 1938 г. против бывшего наркома внутренних дел МАССР Широкого. Или, точнее, Широкий должен был стать одним из главных обвиняемых на процессе над работниками НКВД МАССР⁶⁴.

Постановление политбюро ЦК ВКП(б) от 1 декабря 1938 г. в отношении директора школы с. Ближний Хутор Тираспольского района Садалюка предопределило не только судьбу «пятёрки», но и самого Широкого. 1 декабря 1938 г., как отмечает О. В. Хлевнюк, политбюро приняло решение выдать Садалюку новую легковую машину ГАЗ М-1⁶⁵ и обязало Берию привлечь к ответственности следователя, который вёл это дело и его «вдохновителей». Более того, «в случае же подтверждения заявления Садалюка» политбюро потребовало

«организовать открытый суд, расстрелять виновных и опубликовать в печати (центральной и местной)».

Ведущую роль в принятии этого решения играли Сталин и Молотов⁶⁶. Партия нуждалась в такого рода публичных демонстративных жестах, позволявших отмежеваться от НКВД и поддержать имидж власти. Тем не менее, несмотря на решение политбюро от 1 декабря 1938 г. о публикации в печати ин-

⁶² ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 224; ASISRM–KGB, dosar 32904, vol. III, f. 1–2.

⁶³ ASISRM–KGB, dosar 32904, vol. III, f. 57 verso; Кто руководил НКВД, 1934–1941. – С. 449.

⁶⁴ См.: Хлевнюк О. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – С. 357, а также: Кто руководил НКВД, 1934–1941. – С. 449.

⁶⁵ Автомобиль ГАЗ М-1 («Эмка») производился на Горьковском автомобильном заводе с 1936 по 1943 гг. и представлял собой улучшенную модель по сравнению с ГАЗ-А, которым владел до ареста Садалюк.

⁶⁶ Хлевнюк О. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – С. 357.

формации о суде над «виновниками и вдохновителями» дела Садалюка, в газетах так ничего и не было опубликовано⁶⁷.

С другой стороны, наказывать сотрудников НКВД поголовно – так как практически все они были замешаны в «использовании недопустимых методов следствия» – не было для режима ни желательным, ни возможным. Это бы парализовало всю деятельность карательного ведомства, от которого во многом зависела судьба сталинского режима⁶⁸. О том, что репрессии против бывших карателей НКВД в МАССР были выборочными и демонстративными, говорят также следующие факты. В фальсификации дел и «использовании недопустимых методов следствия» были замешаны все предыдущие начальники НКВД МАССР, не только Широкий, но и Ривлин, Лютыи и другие. Ривлин, например, с самого начала «Большого террора» участвовал во всех операциях, направленных против разных социальных и национальных групп. С сентября 1937 г. по июль 1938 г. он был заместителем наркома и исполняющим обязанности наркома НКВД МАССР. Ривлин был арестован 7 октября 1938 г. и осуждён Военным трибуналом войск НКВД Киевского военного округа 28 декабря 1939 г. по ст. 206-17 УК УССР к 8 годам ИТЛ. Решением ГКО СССР от 27 июля 1942 г. он был освобождён из лагеря и отправлен на передовую в составе штрафной роты. Позже, в октябре 1943 г., судимость с него была снята, но Ривлину отказали в возвращении на службу в «органы»⁶⁹.

⁶⁷ Просмотр газеты «Соціалістична Молдавія» за сентябрь 1938 – февраль 1939 г. не выявил информацию о судебных процессах над Широкии, Юфой, Волковым, Шпицем, Чичкало, Кузьменко и другими сотрудниками НКВД МАССР.

⁶⁸ О роли международного фактора в сворачивании «Большого террора» см.: Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. – М.: РОССПЭН. – С. 304–309.

⁶⁹ Кто руководил НКВД. 1934–1941. – С. 361–362; *Тепляков А.* Амнистированные чекисты 1930-х годов во время Великой Отечественной войны // Клио. – 2012. – № 7(67). – С. 70. В начале октября 1938 г. Ривлин был переведён на должность врид помощника начальника 3-го отдела 1-го управления НКВД УССР. Согласно данным В. Золотарёва, в 1944 г. Ривлин служил в Красной армии и находился в г. Калуга, в сентябре 1944 г. КПК при ЦК ВКП(б) отказала ему в восстановлении в партии.

Совсем по-другому сложилась судьба Лютого (Шестаковского). Он был наркомом внутренних дел МАССР с 29 декабря 1937 г. по 11 марта 1938 г. Именно в этот период происходили массовые аресты, а в Тирасполе была создана пыточная камера⁷⁰. Как упоминалось выше, находясь с визитом в Тирасполе в июне 1938 г. в качестве заместителя начальника Особого отдела ГУГБ НКВД Киевского военного округа, Лютый настойчиво «ориентировал» Широкого на то, что 1-й секретарь Молдавского обкома Борисов «есть враг»⁷¹. Однако Лютый не был репрессирован как Широкий или Ривлин, в то время как одним из главных обвинений против Широкого была фабрикация дела против Борисова и других руководителей МАССР. Правда, и Лютый понёс наказание, но намного позже, и мы не знаем пока, было ли это связано с его участием в «Большом терроре». За месяц до войны, 20 мая 1941 г., он был уволен из НКВД, однако с началом войны увольнение было отменено, и Лютый стал начальником приёмного пункта ОСНАЗ ГУЛАГА НКВД СССР. После 1945 г. он работал в разных должностях в МВД СССР. Примечательно, что в 1949 г. в качестве заместителя начальника отдела спецпоселений МВД СССР был командирован в Кишинёв в качестве эксперта по Молдавии для участия в подготовке операции «Юг» – самой массовой депортации с территории Молдавской ССР. В марте 1951 г. Лютый был всё-таки уволен из «органов», но за полгода до этого он занимал должность заместителя начальника 9-го управления МГБ СССР⁷². По всей видимости, его увольнение из МГБ не было связано с делом Абакумова (арестованного позже, 14 июля 1951 г.), но также не было связано и с той ролью, которую он сыграл во время «Большого террора». Возможно, он лишился поддержки своего покровителя в МГБ, имя которого мы ещё не знаем.

Другой видный деятель НКВД УССР конца 1930-х гг., бывший заместитель начальника Каменец-Подольского областно-

⁷⁰ ASISRM–KGB, dosar 32904, vol. I, f. 198.

⁷¹ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 20.

⁷² Кто руководил НКВД. 1934–1941. – С. 279–280; AMAIRM–MVD (Архив Министрства внутренних дел Республики Молдова), f. 16, inv. 1, d. 105, f. 82–83, 89.

го УНКВД в 1937–1938 гг., который станет бессменным главным молдавским чекистом в 1940–1941 и 1944–1955 гг. – Иосиф Лаврентьевич Мордовец – тоже будет только «уволен» в середине 1950-х гг. Постановление ЦК КП Молдавии от 29 мая 1955 г. на его счёт было очень скудным, в нем лишь указывалось о «нарушении советской законности в бытность министром государственной безопасности Молдавской ССР». Но и этот символический выговор был снят с Мордовца 4 сентября 1973 г. постановлением № 53 бюро ЦК КП Молдавии⁷³. Это говорит о том, что не только в сталинские времена, но и в хрущёвские и брежневские годы отдельные каратели из высшего эшелона, в том числе те, кто участвовал непосредственно в самых массовых репрессиях, сохранили свои посты, звания и привилегии.

Заключение

Эта статья посвящена, главным образом, судьбе наркома внутренних дел МАССР в период с мая по сентябрь 1938 г. И. Т. Широкого-Майского. Но в заключение нас интересует не столько его судьба *per se*, сколько общие моменты, связанные с механизмом «Большого террора», как в СССР, так и в МАССР. Нас интересует также ещё один вопрос о том, как проходил процесс торможения машины массового террора осенью 1938 г. Но сначала остановимся на последних днях жизни Широкого и на том, как сложилась его судьба.

В последнем письме, написанном 16 декабря 1938 г., за два дня до смерти, Широкий признался, что честные страницы его жизни оборвались очень рано, на 35-м году жизни, т. е. в 1938 г. На этот раз он признал себя виновным в совершении тяжких преступлений – «незаконные аресты граждан», «перегибы и извращения в следствии», «искусственное создание следственных дел». Однако и здесь он перекладывал большую часть ответственности на Успенского, который создал, по его словам, «обстановку официального, безудержного нажима» и требовал «проводить и проводить больше и больше арестов антисоветского элемента, особенно в приграничной полосе, для его чистки на случай войны».

⁷³ AOSPRM, f. 51, inv. 13, d. 335, f. 2, 4; inv. 34, d. 56, f. 220.

Однако в это время Успенский уже был «в бегах», его поймают 15 ноября 1939 г. и расстреляют 27 января 1940 г.⁷⁴

Широкий писал, что не знает, какой приговор объявит суд, но он «готов умереть в любую минуту за дело партии Ленина–Сталина» и, несмотря на допущенные ошибки и совершенные преступления, считает себя «честным [хотя уже] непартийным большевиком»⁷⁵.

Бывший нарком внутренних дел МАССР не дожил до суда. Он умер 18 декабря 1938 г. в камере внутренней тюрьмы НКВД УССР. Официально, он

«покончил жизнь самоубийством путём введения себе в горло комка марлевого бинта»⁷⁶.

Версию о самоубийстве Широкого 30 декабря 1938 г. докладывал лично Л. Берии заместитель наркома внутренних дел УССР А. Кобулов ⁷⁷.

Почти 20 лет спустя, 27 апреля 1956 г., его брат Григорий Широкий обратился с письмом к Прокурору СССР Р. Руденко с просьбой о реабилитации имени «честного чекиста». Григорий был уверен, что брат «погиб от [рук] подлых врагов нашего государства». Вероятно, он не знал о версии самоубийства или если даже и знал, то не поверил. Григорий также не знал о том, что его брат не дожил до суда. Примечательно, что хотя Григорий Широкий был уверен в невиновности своего брата, он всё-таки на всякий случай добавил в ходатайстве, что «если он [всё же] был осуждён, то правильно ли было решение суда»⁷⁸. Последнее добавление было очень кстати. После пересмотра архивно-следственного дела И. Широкого и дополнительной его проверки помощник военного прокурора Одесского военного округа подполковник юстиции Гончарук 31 января 1958 г. сделал вывод, что «данных для реабилитации не имеется». Поэтому «жалобу брата Широкого» «как неосновательную, оставить

⁷⁴ Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. – С. 438.

⁷⁵ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 193, 237–238.

⁷⁶ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 323–324.

⁷⁷ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 193.

⁷⁸ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 204.

без удовлетворения». Дополнительная проверка в 1956–1958 гг. лишь подтвердила, что

«Широкий, будучи Наркомом Внутренних Дел МАССР, допускал грубые нарушения социалистической законности, необоснованные аресты и создавал мнимые контрреволюционные организации»⁷⁹.

Архивно-следственные дела И. Широкого и других пятерых сотрудников НКВД МАССР, которые были приговорены к ВМН, являются важнейшим источником для исследования почти неизвестных аспектов «Большого террора». Так, из этих двух архивно-следственных дел, хранящихся в архиве бывшего КГБ МССР, ныне архиве Службы информации и безопасности Республики Молдовы, следует, что механизм «Большого террора» был запущен в Москве и в МАССР координировался из Киева. То же самое касается остановки этого механизма – И. Сталин предпочёл это сделать с помощью отдельных «сигналов», таких как назначение Ежова по совместительству наркомом водного транспорта в апреле 1938 г.⁸⁰ Вторым значимым «сигналом» можно считать назначение 22 августа 1938 г. Берии первым заместителем наркома внутренних дел СССР. Проверка деятельности НКВД МАССР, как и других УНКВД, может рассматриваться и как начало карательной операции против «клана Ежова». Ведь Успенский являлся назначенцем именно Ежова. Широкий, даже если не в прямом смысле, тоже был «человеком Ежова». По всей видимости, логика Берии состояла в том, что сначала сделать акцент на арестах подчинённых республиканского наркома, которые должны были дать показания на своего непосредственного «шефа», а все их «ошибки», «эксцессы» и «липовые дела» автоматически засчитывались в вину руководителю республиканского НКВД. Арест Широкого был также свидетельством того, что партийные структуры Киева и лично Хрущёв начинали в это время добиваться возвращения доминирующей позиции по отношению к НКВД. Ведь главному молдавскому чекисту в первую очередь инкриминирова-

⁷⁹ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 323–325.

⁸⁰ Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. – С. 156–157.

лась фабрикация дела «правотроцкистской организации», т. е. дела Борисова-Стрешного-Константинова. Только после того, как письмо Садалюка стало предметом обсуждения политбюро ЦК ВКП(б) 1 декабря 1938 г., бывшему наркому внутренних дел МАССР было предъявлено дополнительное обвинение в фабрикации «дела молодёжной фашистской организации».

«Большой террор», кроме прочего, начался с нажима и демонстративных репрессий против тех сотрудников НКВД, которые пассивно относились к выполнению приказов о развёртывании массовых репрессий⁸¹. И, как бы это не звучало парадоксально, он закончился теми же мерами, но в этот раз уже в отношении тех, кто был слишком «увлечён» репрессиями и не мог или не знал, как остановиться. Даже в том случае, если сигналы к свёртыванию массового террора были ими услышаны. С одной стороны, Широкий наверняка был информирован о том, что в январе 1938 г. пленум ЦК ВКП(б) принял решение о «бережном отношении» к членам партии. С другой стороны, он знал, что высшее партийное руководство во многих республиках и областях было «вычищено» уже несколько раз с весны–лета 1937 г., а в МАССР «зачистка» была проведена только один раз и, следовательно, он был обязан продолжить работу в этом направлении. Более того, цель его назначения в МАССР в мае 1938 г. было чётко ориентирована на «выкорчёвывание остатков правотроцкистского подполья», то есть на репрессии против партийно-советского актива. Бывшие руководители МАССР, которые были приговорены осенью 1937 г. как «главари правых и троцкистских элементов», были знакомы со своими преемниками, и вывод напрашивался сам собой. То есть, Борисов, Стрешный и Константинов являлись продолжателями дела разоблачённых «врагов народа», соответственно Тодреса-Селектора, Борисова-Старого и Вороновича⁸².

⁸¹ Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. – С. 99–101; Тоже самое относится и к работникам юстиции, которые были репрессированы в 1936–1937 гг. См.: Соломон П. Советская юстиция при Сталине. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 226–230.

⁸² Здесь напрашивается одно уточнение. Председатель СНК МАССР Борисов-Старый, а не 1-й секретарь Молдавского обкома КП(б)У Тодрес-Селектор

Подобная логика прослеживается и в деле о деятельности «молодёжной фашистской организации», где «вымагали ложных показаний от задержанных». На последнем допросе от 15 декабря 1938 г. Широкий признал, что он сделал вывод о существовании этой организации в МАССР на основе того, что она «была вскрыта» в Одессе, Киеве и других городах.

Видно также, что в МАССР «система лимитов» работала по следующей схеме: Широкий, по показаниям Чичкало, сначала «арестует, добьётся сознания, а потом уже берут санкцию, такой-то сознался в своих преступлениях, и Киев не мог не дать санкции».

Однако Широкий и его подчинённые шли уже по проторённой дороге. Так, Леплевский, побывав с визитом в Тирасполе в феврале 1938 г., потребовал от наркома внутренних дел МАССР Лютого, чтобы тот перевыполнил план лимитов на 3000 человек. Следует также заметить, что методы «нажима» и «физического воздействия» в МАССР были широко задействованы уже за год до назначения Широкого. Тогда насилие применялось по отношению к руководящим советским и партийным работникам (Борисов-Старый, Воронович, Голуб и др.). На этот счёт имеются сведения из других следственных дел, а также из протоколов «Комиссии Молдавской ССР по пересмотру уголовных дел осуждённых за контрреволюционные преступления», работавшей после смерти Сталина в 1954–1955 гг. Согласно этим данным, в начале 1938 г. Леплевский присутствовал на допросах в Тирасполе и через своего личного помощника показал, как добиваться показаний⁸³. То есть Широкий, с одной стороны, унаследовал систему всеобщего насилия в НКВД МАССР от предыдущих наркомов, с другой стороны, он привнёс свой собственный опыт профессионального чекиста, добытый в течение 12 лет службы «в органах». Поэтому он старался, с одной стороны, примерно исполнять свой долг, а с другой –

был обвинён в том, что являлся руководителем «националистического и троцкистского центра» в МАССР. См.: ASISRM-KGB, dosar 09680, vol. 1–2 (дело Борисова-Старого).

⁸³ *Memei A. Teroarea comunistă on RASSM (1924–1940) și RSSM (1944–1947).* – Chișinău, Editura Serebia, 2012. – P. 584–585.

принял несколько мер предосторожности. Например, он лично добился нужных показаний от некоторых заключённых, но не подписывал протоколы этих допросов, а приказывал сделать это своим подчинённым – Мягкову, Малышеву и другим.

Дела на бывших сотрудников НКВД МАССР также дают возможность почувствовать атмосферу, которая царила среди сотрудников советской политической полиции во время «Большого террора». Из показаний Чичкало следует, что дух всеобщего подозрения и недоверия к близким или знакомым людям эффективно воздействовал на сотрудников НКВД, убеждал их в том, что они делают «правое и нужное дело». Тех, кто не выполнял приказы и не получал требуемое количество признаний, считали «слабыми», зато «передовики» террора служили примером для подражания.

В заключение следует констатировать, что по-прежнему остаётся не вполне ясным, как происходила селекция «козлов отпущения» среди сотрудников НКВД. Например, почему Лютый, при котором система террора в МАССР была усовершенствована до уровня «стандартов» массовых операций, отделился сравнительно мягким приговором по сравнению с Широкиным, которого явно приговорили бы к расстрелу, если бы он не совершил самоубийство?

Кашу І. «Чистка» співробітників НКВС Молдавської АРСР після «Великого терору» 1937–1938 рр.: справа Івана Тарасовича Широкого-Майського

Досліджується специфіка «чистки» співробітників НКВС МАССР на завершальному етапі «Великого терору» і після офіційного припинення масових репресій (вересень–грудень 1938 р.) на прикладі діяльності І. Т. - Широкого-Майського і його колег.

Ключові слова: політичні репресії, МАССР, НКВД, «Великий терор».

Kashu I. «Housecleaning» of the Moldova ASSR NKVD Officers after The Great Terror 1937–1938: The Case of Ivan Shyrokyi-Majskyi

In the article author examines the key features of the «housecleaning» of the MASSR NKVD executives on the finishing period of the Great Terror and after the official stop of the mass repressions (September–December 1938). The cases of the Ivan Shyrokyi-Majskyi and his colleagues were used.

Key words: political repressions, MASSR, NKVD, The Great Terror.